

УДК 81.23 + 81.373.46

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

Научная статья

ГАРМОНИЯ НОН-КОНФОРМИЗМА: О ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВЕ Ю.А. СОРОКИНА

Васильева Наталия Владимировна

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются терминологические неологизмы Ю.А. Сорокина как отдельные лексические единицы и как единицы текста. Отмечается особое пристрастие Ю.А. Сорокина к терминотворчеству на базе греко-латинских словообразовательных морфем, к которому он относился творчески, вводя новые элементы и реинтерпретируя стандартные, в частности, путем создания новых коррелятивных пар. Выделяется одна из любимых терминологических моделей Ю.А. Сорокина – эмическая, позволяющая кратко обозначить категориеобразующие сущности. Отмечается, что Ю.А. Сорокин редко давал точные дефиниции своим терминологическим креатурам и не беспокоился об их общедоступности (принцип *sapienti sat*). Излагая мысли в форме постулатов, он использовал принцип *in medias res*, т.е. вводил в текст термин/термины без какой-либо экспозитивной подготовки. В статье делается вывод, что терминотворчество Ю.А. Сорокина, которое внешне выглядит как нон-конформистское, по сути является довольно гармоничным, для этого нужно лишь обратиться к текстам. Для Ю.А. Сорокина терминопорождающим жанром/типом текста является постулат и/или манифест, т.е. текст с установкой на концентрированность и суггестию. Отсюда следует бездефинитивный способ подачи термина и терминологическая амплификация, а в качестве когнитивных подсказок для адресата автором используются знакомые интернациональные терминологические элементы, коррелятивные терминологические пары и констелляты, парентетические вставки и графические средства.

Ключевые слова: Ю.А. Сорокин, терминологическое мышление, термины-неологизмы, реинтерпретация, терминологическая амплификация, постулат как тип текста

Кому-то я нужен?

Да, собственным мыслям

(Глеб Арсеньев. Маргиналии)

Тем, кто знал Юрия Александровича Сорокина (а для многих он был тогда просто Юра), известен был его особый дар придумывания терминов. Это были ни на что не похожие креатуры, буквально взрывавшие языковую материю: в них смешивались языки, исчезали границы слов и морфем. Это пугало, возмущало, вызывало критику. Но одновременно и фасцинировало какой-то неукротимой творческой мощью, «самовитостью» слова и терминологическим нон-конформизмом.

Прошло много лет, Ю.А. уже давно нет с нами. Осталась память о нем и его тексты. К текстам Ю.А. я и хочу обратиться, чтобы посмотреть внимательно не только на термины, но и на место их зарождения и среду обитания. Понятие «текст» неразрывно с личностью Ю.А. во многих аспектах. И это очень хорошо показал К.Я. Сигал, выбрав в своих воспоминаниях о Ю.А. образ сознания «человек как текст»: «И этот образ сознания провоцирует осуществить конверсию и построить свои воспоминания о человеке так, как если бы (модус фиктивности!) он был текстом. Конечно, этот образ вовсе не нов (ведь в наши дни с текстом отождествляют, в общем-то, все что угодно), но для воспоминаний о Ю.А. Сорокине он становится ключевым и неотвратимым, поскольку Юрий Александрович в своем научном и поэтическом творчестве (в последнем случае как Глеб Арсеньев) проживал утверждение «Человек есть текст», если так можно сказать, до самой онтологической границы этого утверждения» [Сигал 2016: 22]. В моей попытке анализа терминотворчества Ю.А. я буду не только ориентироваться на этот образ сознания, но и обращусь непосредственно к текстам Ю.А. Сорокина.

Это будет попытка некоторого объективного взгляда, хотя совсем отрешиться от образа Ю.А. будет сложно: слишком яркой была его личность во всех проявлениях, особенно в живой коммуникации. Общения с ним забыть нельзя. В начале 1980-х, когда я стала работать в Институте языкознания, я часто становилась свидетелем терминологических озарений Ю.А. Во мне он нашел помощницу для своих терминодействий, поскольку я писала диссертацию по терминологии, а именно по греко-латинским терминоэлементам, и тут уже никак нельзя было отвертеться от требований выдать ему нужный греческий или латинский корень – здесь и сейчас. Потому что если он находился в состоянии терминологической инвенции, то никакое нытьё, что, мол, надо еще проверить, посмотреть в словаре Дворецкого, не помогало. То, что потом происходило с этим корнем в системе Ю.А., поначалу повергало меня в настоящий шок, поскольку в то время в вопросах терминообразования я придерживалась строгих взглядов Д.С. Лотге, Э. Вюстера и других отцов классического, «правильного» терминоведения. Как в этой парадигме можно было относиться к сорокинским *культурокинезу, снолектам, айсивике, хомоландшафту?*

Теперь, по прошествии многих лет, я смотрю на терминотворчество иначе. Да и сама наука о термине претерпела за это время изменения. Классическое структурное терминоведение стало одним из этапов развития этой дисциплины, уступив место взглядам на термин сквозь призму его создателя – языковой личности. В настоящее время никто не станет возражать, что «научный дискурс, в том числе лингвистический, является продуктом лингвокреативной деятельности говорящего и несет на себе “печать” индивидуальности его автора как языковой личности» [Новодранова 2010: 442]. И пример Ю.А. Сорокина в данном случае является особенно ярким.

Взгляд на терминологию через категорию языковой личности позволяет, на мой взгляд, говорить и о терминологическом мышлении, которое присуще данной личности и отражается (овнешняется) в ее терминотворческой деятельности [Васильева 2015]. Известны и привычны сочетания слова *мышление* с прилагательным, производным от названия науки. Герман Вейль, автор книги «Математическое мышление», писал: «Влекомое глубочайшим внутренним светом, оно (мышление. – Н.В.) не сводится к набору механически применяемых правил и не может быть разделено

водонепроницаемыми переборками на такие отсеки, как мышление историческое, философское, математическое и другое» [Вейль 1989: 6]. Терминологическое мышление присуще представителям всех наук, поэтому в самом общем виде его можно определить как когнитивную деятельность, обеспечивающую процесс терминовтвора. Лингвисту доступен для наблюдения результат этого процесса – термин, по которому можно судить о вкусах и пристрастиях его создателя. Кроме того, терминологическое мышление отражается в так называемых (микро)текстах-рефлексивах – для терминологии это указание на этимологию термина или на любую другую информацию о мотивированности, исходящую от создателя термина. Терминологическое мышление Ю.А. я бы назвала радикально-креативным, не вкладывая в это определение оценочного смысла, а характеризуя его нон-конформистскую суть. Радикальная креативность терминологического мышления Ю.А. получает отражение, во-первых, в структуре термина, и во-вторых, в способах введения термина в текст.

В структурном плане Ю.А. предпочитал термины из интернациональных терминологических элементов. Однако этот традиционный для языка науки способ терминологического образования в терминологической мастерской Ю.А. выглядит нестандартно. Сразу бросается в глаза большая свобода в обращении с интернациональными морфемами, которые комбинируются – подчас совсем не в каноническом виде – с русскими и/или давно освоенными русским языком корнями и словами, а также с английскими словами (фрагментами слов). Например, *культурокинез, снолекты, гармонема, мелиоценки, ресивика, имажетика, стоп-культурон* [Сорокин 1994]; *мезотемпературный, айсивика, хомоландшафт* [Сорокин 2010]; *креатема, хомотон, автообраз, хроносон/таймикон* [Сорокин 2004] и др. Можно, наверное, обозначить этот стиль терминологического образования как **фьюжн**, имея в виду не только «сочетаемость несочетаемого», но и выражение этим способом целостной идеи и гармонии. Из различных моделей терминологического образования на базе терминологических элементов Ю.А. особенно выделял некоторые. Прежде всего, это эмическая модель, которая уже давно в лингвистике вышла за пределы обозначения инварианта, а стала служить названием концептуально опорных (категориеобразующих) сущностей. Ср. у Ю.А. Сорокина: *креатема* и *дифференцема, конфликтема* и *гармонема* (как единицы конфликтологии), *психологосема, пассиорема, соматологическая аксиологема* и др. Эта модель позволяет походить на агглютинацию способом нанизывать элементы и создавать весьма протяженные единицы, ср. *(этнопсихо)бихевиолектема, палеоэтнопсихолингвема* и др. Как правило, эмические термины у Ю.А. парные, и антонимичность этих терминов вполне отражает антиномический способ мышления их создателя, а также стремление выделить и обозначить категориальную сущность внутри того поля знаний, которое попало в поле его интереса. Я не берусь сейчас точно утверждать, но мне кажется, что популярную ныне *культурему* придумал Сорокин. Я помню это его выражение: *Культура как мозаика культуре...*

Назову еще одну терминологическую модель, которую Ю.А. использовал с удовольствием. Это модель на *-он*. Термины, созданные по данной модели, стандартно означают как некоторую элементарную единицу языка (такое значение заимствовано из физической терминологии, ср. *фонон, морфон* в терминологии С. Лэма), так и совокупность (набор) единиц, характеризуемых первым компонентом термина (ср. *лексикон*). В терминологическом мире Сорокина не все единицы на

–он ограничиваются только такими значениями. С уверенностью можно назвать *культурон* и *стоп-культурон* как базовые единицы культурогенетики [Сорокин 1994: 73]. Что же касается терминов *соматикон*, *аксиологикон*, *аффектикон*, то они несут в себе еще дополнительные смыслы: это не только обозначенные первым компонентом условные «лексиконы», но и некоторые «переключатели», направляющие внимание носителей языка на соответствующие сферы/области [Сорокин 2004: 13]. Таким образом, стандартное значение терминологической модели «осложнилось» дополнительным значением и тем самым трансформировалось. Приведу еще один пример такой трансформации в терминотворчестве Ю.А. В современной научной терминологии сложились привычные оппозиции терминологических элементов, с помощью которых образуются пары коррелятивных терминов, ср. *эндо-* vs. *экзо-*, *макро-* vs. *микро-*, *гипер-* vs. *гипо-* и пр. В текстах Ю.А. Сорокина мы находим и сложившийся стандарт, ср. *эндорефлективный* vs. *экзорефлективный*, и собственные, авторские, корреляции терминологических элементов. Такой, например, является оппозиция терминологических элементов *идио-* и *изо-* в терминах *идиокультура* и *изокультура*, *идиозтнос* и *изоэтнос*, *этническое идио-* и *изосознание* [Сорокин 1994: 16]. Толчком к созданию такого коррелятивного ряда послужил вполне прозрачный лингвистический термин *идиоглосса*, который автор в своем ментальном пространстве сопоставил с термином *изоглосса*, ср. «...идиоглосса – некоторый локус, характеризующийся своеобразным (специфическим) языковым (речевым) состоянием (ср. с изоглоссой)» [Сорокин 1994: 15]. От этого сопоставления двух терминов, особо не объясняемого, не эксплицированного, родилась корреляция *идио-* vs. *изо-* уже с другими значениями, а именно ‘негомогенность vs. гомогенность’, ‘вариантное vs. инвариантное’. Отследить такую метаморфозу в значениях помог текст. Далее перейдем к тексту как среде, в которой рождаются термины.

Особенность обращения Ю.А. с терминами на этапе их введения в текст особенно ярко выступает при сравнении с общеупотребительным, традиционным способом ввода нового термина. Как правило, это два основных способа, которые можно условно назвать анафорическим и катафорическим, имея в виду линейное расположение термина и его толкования (назовем последнее **экспликативным конвоем**). В первом случае экспликативный конвой (это может быть как дефиниция, так и любое другое объяснение) выполняет роль антецедента, предваряя сам термин. Пример анафорического способа: «Нормальную преемственную смену во времени форм живого, связанных генетически, можно обозначить именем **биогенеза**, а наука, занимающаяся изучением форм этих изменений, может быть названа **биогенетикой**» [Малецкий 2009: 825]. В тексте сначала появляется формулировка определения понятия, потом вводится сам термин *биогебез*. По такой же модели дальше вводится термин *биогенетика*.

Пример катафорического ввода (термин предшествует экспликации) приведу из собственного текста, в котором обсуждается личная сфера говорящего и вводится термин *ономастическая контрабанда*: «Употребление неофициальных имен в кругу близких людей (или в замкнутых культурных и/или конфессиональных сообществах) вполне прагматически обосновано. Однако существуют ситуации, которые можно обозначить как **ономастическая контрабанда**: это “протаскивание” имени в свою личную сферу, когда на то у говорящего нет никаких официальных прав. Таким является

употребление говорящим “домашних” имен людей, кругу которых он не принадлежит (ср. *Готя, Кома*)» [Васильева 2021: 176 – 177].

Экспликативным конвоєм для термина в тексте может также стать этимология термина и/или терминологического элемента и вообще любая информация, которая направлена на достижение понимания термина адресатом. Как вводятся термины в текстах Ю.А. Сорокина? Можно ли в текстах найти объяснение для их необычности/непривычности, а также эти термины дешифровать? Я думаю, что – при соответствующей установке – можно. Выдернутые из контекста, термины Ю.А. действительно кажутся странными и вычурными. Однако если мы станем смотреть на них как на единицы текста, которые окружены другими единицами, которые взаимодействуют с ними на синтаксическом уровне, то большая часть недоразумений, связанных с не(до)пониманием терминов, рассеется. И, безусловно, большое значение имеет тип/жанр текста. Ю.А. Сорокин свои научные концепции предпочитал излагать в форме постулатов. Так построен его труд «Этническая конфликтология» [Сорокин 1994]; в работе [Сорокин 2003] слово *постулат* вынесено в заглавие. Постулат как тип/жанр текста требует максимально концентрированного способа изложения. Кроме того, интенционально такой текст связан с суггестией, и для достижения желаемого эффекта текст должен быть свободен от избыточной информации, например, длинных дефиниций, объяснений этимологии термина и пр., поскольку восприятие адресата не должно отклоняться от магистральной линии мысли, которую важно донести автору. Задача понимания терминов должна решаться адресатом самостоятельно и быстро, и она на самом деле решается, несмотря на «трудные слова». Понимание текста обеспечивается способом его построения. Рассмотрим следующий фрагмент из «Этнической конфликтологии», в котором речь идет о понятиях, входящих в поле культуры (шрифтовые выделения автора. – *Н.В.*):

«Позволительно утверждать (см., например, статьи Мамардашвили, посвященные рассмотрению проблем культуры), что вышеупомянутые понятия не будут отторгаться культурософскими/семиософскими контекстами и окажутся в достаточной мере эвристическими. Возможно, таковыми окажутся понятия **культурогенетика** (основные базовые единицы – **культуроген**, **культурон** (по аналогии с кодоном) и **стоп-культурон** (сопоставьте это понятие с идеей о запрещенных сценариях-сюжетах)), **культуросома** и **культуроплазма** (как ядро и периферия культуры), **культурогенная эволюция**, в рамках которой следует, очевидно, различать **имажеттику/имажетивику**, ориентированную на изучение образов сознания, и **ресивику**, ориентированную на изучение тех же образов, не существующих опредмеченно (в вещах и поступках – в том числе и в текстовых поступках), **культурогенные карты** и **культуроемкие “технологии”**. В высшей мере эвристическими и полезными окажутся, на мой взгляд, и следующие понятия: **культуррокинез** (деление тела культуры), **культурогенная транскрипция** и **трансляция** (синтез пассиорем и бихевиолектем/семиолектем и приписывание им соответствующих когитивных (син- и палео-) маркеров) и **культурогенотип**» [Сорокин 1994: 73 – 74].

Фрагмент содержит 16 терминов, выделенных жирным шрифтом. Это довольно много для одного абзаца. Но именно такие терминологические гнезда характерны для письма Ю.А. С риторической точки зрения подобное нагнетание терминов можно назвать **терминологической амплификацией**. Амплификация как риторический

прием выполняет суггестивную функцию, и в данном случае эффект воздействия усиливается графическим образом текста: выделенные шрифтом термины сразу попадают в фокус восприятия. Далее вступает в действие пунктуационный знак – скобки. В этом фрагменте 9 парентетических вставных конструкций, при этом, три из них находятся внутри других вставных конструкций, так сказать, «скобки в скобках». Все эти конструкции выполняют различные информационно-смысловые функции, ср. [Гавриленко 2003], в том числе такие как 1) отсылка, 2) уточнение, 3) объяснение, 4) обращение к адресату, 5) дополнение, 6) разъяснение.

Ю.А. умело пользуется вставными конструкциями, достигая этим двуплановости текста. Вставные конструкции позволяют оставлять в основном тексте только самое необходимое – для Ю.А. это термины, а их нестандартные экспликации вынести во второй план – внутрь скобок. Внутри скобок, таким образом, попадают разнообразные подсказки для адресата, при этом некоторые из них – в режиме прямого диалога. Адресат не обделен вниманием терминотворца, но все же я бы сформулировала принцип интеракции «автор – адресат» как **sapienti sat**: Ю.А. не нянчится с читателем, ему нужен «пониматель» такого же уровня, он ведет свою линию жестко и непримиримо. С этим связан еще один принцип информационно-терминологической организации текстов Ю.А. – **in medias res**, т.е. термины вводятся сразу и, как правило, в виде констелляций или гнезд.

Завершая эти наблюдения над терминами Ю.А. Сорокина, я бы хотела вернуться к упомянутому в начале статьи образу сознания «человек как текст». У М.М. Бахтина в заметках о методологии гуманитарных наук мы находим мысль, что «автор–создающий не может быть создан в той сфере, в которой он сам является создателем. Это *natura naturans*, а не *natura naturata*. Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» [Бахтин 2008: 188]. Тот образ терминотворца, который создается в текстах–постулатах Ю.А., отличен от образа Ю.А. как автора очерков о переводе китайской поэзии или статей по стилистике художественного текста. И для обобщающей характеристики этого образа я обращаюсь к о. Павлу Флоренскому и его труду о термине, две цитаты из которого, как мне кажется, очень подходят к терминотворческим порывам Ю.А. и их нетривиальным результатам. Термин у Флоренского, с одной стороны, предстает как *остановка мысли*, ср.: «Такое название есть сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи и действительно служит остановкою мысли на некоторой вершине» [Флоренский 1989: 128]. С другой стороны, термин обнаруживает совсем другую сущность: «Недвижно стоящий перед мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, наибольшее обнаружение ее напряженности» [Флоренский 1989а: 112]. Я думаю, что этот образ чрезвычайной напряженности мысли, а потом ее внезапного, стремительного «опрокидывания» в термин, лучше всего характеризует терминотворческую сторону личности Юрия Александровича Сорокина.

© Васильева Н.В., 2021

Литература

Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Развитие личности. 2008. № 4. С. 186–197.

Васильева Н.В. О терминологическом мышлении // Когнитивные исследования языка. Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: Сб. науч. трудов / Отв. ред. вып. Л.А. Манерко. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2015. С. 185–192.

Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста Изд. 3-е. М.: URSS, 2021. 224 с.

Вейль Г. Математическое мышление: Пер. с англ. и нем. / Под ред. Б.В. Бирюкова и А.Н. Паршина. М.: Наука, 1989. 400 с.

Гавриленко И.И. Информационно-смысловые функции вставных конструкций в научном стиле речи (на материале русского языка) // Диалог: материалы конференции. Протвино, 2003. С. 186–189.

Малецкий С.И. Семантическая структура понятий «наследственность» и «эволюция» // Информационный вестник ВОГиС. 2009. Том 13 № 4. С. 820–851.

Новодранова В.Ф. Роль языковой личности в формировании научного текста // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: Сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 437–443.

Сигал К. Я. Человек как текст: вспоминая Ю. А. Сорокина // Вопросы психолингвистики. 2016. 3 (29). С. 22–25.

Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология: Теоретические и экспериментальные фрагменты. Самара: Русский лицей, 1994. 94 с.

Сорокин Ю. А. Евразийство и его постулаты: возможные коррективы // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 111–117.

Сорокин Ю.А. Хартленд и римленд: обсуждение двух соматических карт // Вестник ВГУ, Серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. 2004. № 1. С. 1–16.

Сорокин Ю.А. Лингвокультурология, лакунология, соматология и их априорная взаимосвязь // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 28–33.

Флоренский П.А. Термин // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 121–133.

Флоренский П.А. Термин (окончание) // Вопросы языкознания. 1989а. № 3. С. 104–117.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06.06.2021

Дата принятия к печати: 24.06.2021

Сведения об авторе:

Васильева Наталия Васильевна – доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института языкознания РАН, сектор прикладного языкознания

Контактная информация:

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

ORCID: 0000-0002-8481-1438

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

Для цитирования:

Васильева Н.В. Гармония нон-конформизма: о терминотворчестве Ю.А. Сорокина // Вопросы психолингвистики №2(48) 2021, С. 48–56, doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

UDC 81.23 + 81.373.46

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56

Research article

HARMONY OF NON-CONFORMISM:
YU.A. SOROKIN AND HIS TERMINOLOGICAL CREATIVITY

Nataliya V. Vasil'eva

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the terminological neologisms of Yu.A. Sorokin as both special lexical and text units. Yu.A. Sorokin had a peculiar predilection to creating terms based on the Greco-Latin derivational morphemes. He treated them creatively introducing new elements and reinterpreting the standard ones, for instance creating new correlative pairs. One of the favorite terminological models of Yu.A. Sorokin was emic which allows to briefly identify the category-forming entities. It is noted that, Yu.A. Sorokin rarely gave precise definitions to his terminological creations and did not worry about their general availability (the sapienti sat principle). Presenting thoughts in the form of postulates, he used the principle in medias res, i.e., he introduced a term / terms to the text without any expositional preparation. The article concludes that the term creation of Yu.A. Sorokin, that may be perceived as non-conformist at first, is quite harmonious in fact. To see that, one just needs to turn to the texts. Yu.A. Sorokin's term-generating genre / type of text is a postulate and / or a manifesto, i.e., a text with a focus on concentration and suggestion. Hence, there follows a non-definitive way of presenting a term and terminological amplification, with the author using familiar international terminology, correlative terminological pairs and constellates, parenthetical inserts and graphic tools as cognitive clues for the addressee.

Keywords: Yu.A. Sorokin, terminological thinking, neologism terms, reinterpretation, terminological amplification, postulate as a type of text

References

- Bakhtin, M.M. (2008) *K metodologii gumanitarnykh nauk* [Towards the methodology of the humanities]. *Razvitie lichnosti*. (4), pp. 186–197. (in Russian)
- Vasil'eva, N.V. (2015) O terminologicheskom myshlenii [About terminological thinking]. In: Manerko, L.A. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies]. (20): From cognitive linguistics to cognitive terminology: Collection of scientific papers. Tambov, Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 185–192. (in Russian)
- Vasil'eva, N.V. (2021) *Sobstvennoe imya v mire teksta* [Proper name in the world of text]. Moscow, URSS. 224 p. (in Russian)
- Veil', G. (1989) *Matematicheskoe myshlenie* [Mathematical thinking]. Translated from English and German. Moscow, Nauka publ. 400 p. (in Russian)
- Gavrilenko, I.I. (2003) *Informatsionno-smyslovye funktsii vstavnykh konstruktiv v nauchnom stile rechi (na materiale russkogo yazyka)* [Informational and semantic functions of plug-in structures in the scientific style of speech (based on the material of the Russian language)]. In: *Dialog* [Dialogue]: Conference materials. Protvino, pp. 186–189. (in Russian)

Maletskii, S.I. (2009) *Semanticheskaya struktura ponyatii «nasledstvennost'» i «evolyutsiya»*. *Informatsionnyi vestnik VOGiS*. 13 (4). pp. 820–851. (in Russian)

Novodranova, V.F. (2010) *Rol' yazykovoï lichnosti v formirovanii nauchnogo teksta* [The role of a linguistic personality in the formation of a scientific text]. In: *V prostranstve yazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl* [In the space of language and culture: sound, sign, meaning]: Collection of articles in honor of the 70th birthday of V.A. Vinogradov. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., pp. 437–443. (in Russian)

Sigal, K.Ya. (2016) *Chelovek kak tekst: vspominaya Yu. A. Sorokina* [Man as a text: remembering Yu.A. Sorokin]. *Journal of Psycholinguistics*. 3 (29), 22–25. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (1994) *Etnicheskaya konfliktologiya: Teoreticheskie i eksperimental'nye fragment* [Ethnic Conflictology: Theoretical and Experimental Fragments]. Samara, Russkii litsei publ. 94 p. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2003) *Evraziistvo i ego postulaty: vozmozhnye korrekтивы* [Eurasianism and its postulates: possible adjustments]. *Journal of Psycholinguistics*. (1), 111–117. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2004) *Khartlend i rimlend: obsuzhdenie dvukh somaticheskikh kart* [Heartland and Rimland: A Discussion of Two Somatic Maps]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. (1), pp. 1–16. (in Russian)

Sorokin, Yu.A. (2010) *Lingvokul'turologiya, lakunologiya, somatologiya i ikh apriornaya vzaimosvyaz'* [Cultural linguistics, lacunology, somatology and their a priori relationship]. *Journal of Psycholinguistics*. (11), pp. 28–33. (in Russian)

Florenskii, P.A. (1989) Termin. *Voprosy yazykoznaniiya*. (1), pp. 121–133.

Florenskii, P.A. (1989a) Termin (okonchanie). *Voprosy yazykoznaniiya*. (3), pp. 104–117. (in Russian)

© Vasil'eva N.V., 2021

Article history:

Received: 06.06.2021

Accepted: 24.06.2021

Bionotes:

Nataliya V. Vasil'eva – Doctor of Philology, Chief Researcher, Section of Applied Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

Contact information:

1/1 B. Kislovskiy per., Moscow, Russian Federation, 125009

ORCID: 0000-0002-8481-1438

e-mail: vasileva-natalia@yandex.ru

For citation:

Vasil'eva N.V. (2021) Harmony of Non-Conformism: Yu.A. Sorokin and His Terminological Creativity. *Journal of Psycholinguistics*. 2(48), pp. 48–56. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-48-56 (in Russian).